

А. ЧЕХОВ “ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ”

A. Chekhov
“Fat and thin”

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанайл, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом — за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассесором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съеживаясь. Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подal ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Two friends – one a fat man and the other a thin man – met at the Nikolaevsky station. The fat man had just dined in the station and his greasy lips shone like ripe cherries. He smelt of sherry and fleur d'orange. The thin man had just slipped out of the train and was laden with portmanteaus, bundles, and handboxes. He smelt of ham and coffee grounds. A thin woman with a long chin, his wife, and a tall schoolboy with one eye screwed up came into view behind his back.

“Porfiry,” cried the fat man on seeing the thin man. “Is it you? My dear fellow! How many summers, how many winters!”

“Holy saints!” cried the thin man in amazement. “Misha! The friend of my childhood! Where have you dropped from?”

The friends kissed each other three times, and gazed at each other with eyes full of tears. Both were agreeably astounded.

“My dear boy!” began the thin man after the kissing. “This is unexpected! This is a surprise! Come have a good look at me! Just as handsome as I used to be! Just as great a darling and a dandy! Good gracious me! Well, and how are you? Made your fortune? Married? I am married as you see. . . . This is my wife Luise, her maiden name was Vantsenbach . . . of the Lutheran persuasion. . . . And this is my son Nafanail, a schoolboy in the third class. This is the friend of my childhood, Nafanya. We were boys at school together!”

Nafanail thought a little and took off his cap.

“Do you remember how they used to tease you? You were nicknamed Herostratus because you burned a hole in a schoolbook with a cigarette, and I was nicknamed Ephialtes because I was fond of telling tales. Ho—ho! . . . we were children! . . . Don’t be shy, Nafanya. Go nearer to him. And this is my wife, her maiden name was Vantsenbach, of the Lutheran persuasion. . . .”

Nafanail thought a little and took refuge behind his father’s back.

“Well, how are you doing my friend?” the fat man asked, looking enthusiastically at his friend. “Are you in the service? What grade have you reached?”

“I am, dear boy! I have been a collegiate assessor for the last two years and I have the Stanislav. The salary is poor, but that’s no great matter! The wife gives music lessons, and I go in for carving wooden cigarette cases in a private way. Capital cigarette cases! I sell them for a rouble each. If any one takes ten or more I make a reduction of course. We get along somehow. I served as a clerk, you know, and now I have been transferred here as a head clerk in the same department. I am going to serve here. And what about you? I bet you are a civil councillor by now? Eh?”

“No dear boy, go higher than that,” said the fat man. “I have risen to privy councillor already . . . I have two stars.”

The thin man turned pale and rigid all at once, but soon his face twisted in all directions in the broadest smile; it seemed as though sparks were flashing from his face and eyes. He squirmed, he doubled together, crumpled up. . . . His portmanteaus, bundles and cardboard boxes seemed to shrink and crumple up too. . . . His wife's long chin grew longer still; Nafanail drew himself up to attention and fastened all the buttons of his uniform.

"Your Excellency, I . . . delighted! The friend, one may say, of childhood and to have turned into such a great man! He--he!"

"Come, come!" the fat man frowned. "What's this tone for? You and I were friends as boys, and there is no need of this official obsequiousness!"

"Merciful heavens, your Excellency! What are you saying. . . ?" sniggered the thin man, wriggling more than ever. "Your Excellency's gracious attention is like refreshing manna. . . . This, your Excellency, is my son Nafanail, . . . my wife Luise, a Lutheran in a certain sense."

The fat man was about to make some protest, but the face of the thin man wore an expression of such reverence, sugariness, and mawkish respectfulness that the privy councillor was sickened. He turned away from the thin man, giving him his hand at parting.

The thin man pressed three fingers, bowed his whole body and sniggered like a Chinaman: "He--he--he!" His wife smiled. Nafanail scraped with his foot and dropped his cap. All three were agreeably overwhelmed.